

Н.В. Гербель

Немецкие поэты в биографиях и образцах
Антология лучшей немецкой поэзии

Москва
«Книга по Требованию»

Н11 **Н.В. Гербель**
Немецкие поэты в биографиях и образцах: Антология лучшей немецкой поэзии / Н.В. Гербель – М.: Книга по Требованию, 2023. – 690 с.

ISBN 978-5-458-25621-6

Антология лучшей немецкой поэзии в переводах русских писателей. «В предлагаемом издании, совмещающем в себе лучшие произведения лучших немецких поэтов, начиная с древнего времени кончая новейшим, вместе с обстоятельными биографиями и характеристиками этих деятелей, читатели найдут возможно-полную картину этой поэзии; а включение сюда же и образцов народного творчества познакомит их с началами этой последней, с тем вечно-богатым и вечно-свежим источником, из которого многие позднейшие поэты черпали своё вдохновение». Хорошо ли Вы знакомы с одной из великих мировых литератур - с немецкой? Чтобы получить приблизительный ответ на этот вопрос, а также решить, нужна ли Вам эта книга, я предлагаю провести небольшой тест: попробуйте просто перечислить всех немецких поэтов, которых сможете вспомнить. После этого останется лишь сравнить полученные результаты с данными, приводимыми в следующем абзаце. В состав книги вошли 85 биографий 85 известнейших немецких поэтов, а также образцы их творчества с 1200 по 1877 годы: пять полных больших пьес, 253 мелких стихотворения и 128 больших и малых отрывков из известнейших немецких поэм, трагедий, драм, и комедий в переводах известнейших русских писателей, среди которых - А. Апухтин, В. Бенедиктов, П. Вейнберг, Н. Гербель, А. Григорьев, Г. Данилевский, А. Дельвиг, В. Жуковский, И. Крылов, М. Лермонтов, а. Майков, Л. Мей, А. Плещеев, Я. Полонский, К. Случевский, А. К. Толстой, И. Тургенев, Ф. Тютчев, А. Фет. Многие представленные переводы были впервые опубликованы в этом сборнике. Составитель сборника - известный русский поэт, переводчик и издатель Николай Васильевич Гербель (1827-1883).

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ предлагаемомъ изданіи, совмѣщающемъ въ себѣ лучшія произведенія лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ, начиная съ древняго времени и кончая новѣйшимъ, вмѣстѣ съ обстоятельными біографіями и характеристиками этихъ дѣятелей, читатели найдутъ возможно-полную картину этой поэзіи; а включеніе сюда же и образцовъ народнаго творчества познакомитъ ихъ и съ началами этой послѣдней, съ тѣмъ вѣчно-богатымъ и вѣчно-свѣжимъ источникомъ, изъ котораго многіе позднѣйшіе поэты черпали потомъ такъ обильно и усиленно свой вдохновеніе.

Для того, чтобы частности этой картины не представлялись читателямъ чѣмъ-то разрозненнымъ и съ цѣлью познакомить его съ общимъ ходомъ поэтическаго движенія въ Германіи, собранному здѣсь матеріалу предпосланъ общій очеркъ, составленный по сочиненіямъ Гервинуса, Курца, Рокета, Шерра, Штротмана, Шюре и другихъ. Не останавливаясь на отдѣльных писателяхъ, какъ вслѣдствіе тѣсноты самыхъ рамокъ, такъ и потому, что эта задача въ извѣстной степени выполнена уже въ самой книгѣ, предлагаемый вступительный очеркъ ограничивается тѣмъ, что отмѣчаетъ и возможно-подробно характеризуетъ главные моменты въ исторіи нѣмецкой поэзіи — такіе моменты, въ которыхъ выражалась замѣна одного направленія другимъ и которые имѣли положительное или отрицательное вліяніе на дальнѣйшую судьбу той области искусства, гдѣ проявлялись они.

Въ составъ предлагаемой нынѣ вниманію русской читающей публики книги, подъ заглавіемъ «Нѣмецкіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», вошли: пять литературныхъ очерковъ по части нѣмецкой поэзіи, восемьдесятъ пять біографій восьмидесяти пяти извѣстнѣйшихъ

изъ нѣмецкихъ поэтовъ, начиная съ 1200 и кончая 1877 годомъ, пять цѣльныхъ большихъ піесъ, триста пятьдесятъ три мелкихъ стихотворенія и сто двадцать восемь большихъ и малыхъ отрывковъ изъ извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ поэмъ, трагедій, драмъ и комедій, въ переводахъ А. Н. Апухтина, В. Г. Бенедиктова, Ѳ. Н. Берга, В. П. Буренина, П. И. Вейнберга, В. П. Гаевского, Н. В. Гербеля, Н. П. Грекова, А. А. Григорьева, Э. И. Губера, Г. П. Данилевскаго, Барона А. А. Дельвига, М. А. Дмитріева, М. М. Достоевскаго, Ю. В. Жадовской, В. А. Жуковскаго, А. Е. Измайлова, И. П. Крешева, И. А. Крылова, В. К. Кюхельбекера, М. Ю. Лермонтова, В. А. Лялина, А. Н. Майкова, Л. А. Мея, Ѳ. Б. Миллера, Д. Д. Минаева, Д. Е. Мина, Д. Л. Михаловскаго, А. Н. Плещеева, Я. П. Полонскаго, К. К. Случевскаго, А. Л. Соколовскаго, М. А. Стаховича, А. Н. Струговщикова, графа А. К. Толстого, И. С. Тургенева, Ѳ. И. Тютчева, А. А. Фета, И. И. Хемницера, С. П. Шевырѣва, А. А. Шишкова, П. И. Шеляревскаго, А. Н. Яхонтова и другихъ. Треть изъ помѣщеннхъ здѣсь стихотворныхъ переводовъ сдѣлана для предлагаемаго изданія вновь и напечатана въ нѣмъ въ первый разъ. Что же касается другихъ двухъ третей, то они перепечатаны изъ разныхъ повременныхъ нашихъ изданій и сборниковъ, или изъ собраній сочиненій и стихотвореній разныхъ авторовъ.

Н. Гербель.

9-го ноября 1877 года.

С.-Петербургъ.

НѢМЕЦКАЯ ПОЭЗІЯ.

ОЧЕРКЪ.

Подобно поэзіи всѣхъ другихъ народовъ, и нѣмецкая зачинается въ глубокой древности и имѣетъ на первыхъ порахъ религіозный, вѣрнѣе говоря, жреческій характеръ. Тацитъ рассказываетъ о пѣсняхъ, которыя германцы пѣли въ его время въ честь своего бога Туиско, его сына Маннуса и трѣхъ внуковъ; но какъ ни древни эти произведенія, они уже въ ту пору были произведеніями далеко не свѣжими: ихъ сочинили не тѣ, въ устахъ которыхъ раздавались онѣ. Уже для этихъ пѣвцовъ сѣдой, до-исторической древности пѣсни эти были достояніемъ, перешедшимъ къ нимъ по наслѣдству отъ давно, давно существовавшихъ предковъ. Характеръ этихъ первобытныхъ лирическихъ произведеній долженъ былъ, само собою разумѣется, соответствовать характеру народа, среди котораго они родились — этихъ сыновей киммерійскаго сѣвера, нагонявшихъ страхъ даже на римлянъ своимъ атлетическимъ видомъ, своею львиною воинственностью. На торжественныхъ похоронахъ храбрыхъ князей и военачальниковъ, ночью наканунѣ сраженія, на праздничныхъ пирахъ, вокругъ лагерныхъ огней распѣвались эти боевыя пѣсни, и не только кроваваго боги германцевъ славились въ нихъ, прославляли онѣ и древнихъ, богоподобныхъ героевъ отечества, между которыми главную роль игралъ доблестный побѣдитель Арминій. Эти грубыя стихотворныя изліянія были общимъ достояніемъ, общою собственностью. «Въ германской расѣ — говоритъ французъ Шюре въ своей необыкновенно-талантливо написанной «Исторіи нѣмецкой пѣ-

сни» — не находимъ мы жреческаго сословія, сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ религію, не находимъ и школы пѣвцовъ, монополизирующихъ привилегію стихотворства. Религія принадлежитъ всѣмъ, поэзія составляетъ потребность и право всѣхъ. У германцевъ, какъ у англосаксовъ, пѣсня переходила изъ устъ въ уста. Въ замкѣ военачальника, на побѣдномъ торжествѣ, при блескѣ факеловъ и сверканіи оружія, поэтомъ могъ выступать всякій, кто хотѣлъ. При королевскихъ дворахъ арфа переходила изъ рукъ въ руки, подобно кубку съ мѣдомъ, и даже короли не пренебрегали даромъ пѣснопѣнія. Въ «Пѣснѣ о Беовульфѣ» Гродгаръ, владыка датчанъ, хватается за арфу и прославляетъ подвиги своихъ предковъ. Въ поэмѣ «Гудрунъ» король фризовъ Геттель поручаетъ Горанду и двумъ другимъ друзьямъ своимъ похитить по ту сторону моря прекрасную Гильду, дочь дикаго Гагена. Не посредствомъ насилія завладѣваютъ они однако молодою красавицею — нѣтъ, её покоряетъ чарующее пѣніе Горанда, и, подъ обаяніемъ этихъ звуковъ, спѣшитъ она на корабль, который тотчасъ же распускаетъ паруса и мчится по синимъ волнамъ. Этотъ Горандъ — лучшій типъ пѣвца при дворахъ древнихъ рыцарей-королей, какой только сохранила намъ первобытная нѣмецкая поэзія. Онъ явственно показываетъ намъ какую волшебную силу имѣла пѣсня для этихъ дикихъ народовъ. На ряду съ королями простые воины играютъ на арфѣ и скрипкѣ (vio-la); припомнимъ въ «Нибелунгахъ» молодого фолькера, усыпляющаго своихъ утомленныхъ товарищей пѣснями ихъ далѣкой родины. Каж-

дый нѣвецъ, каждый стихотворецъ, откуда бы онъ ни пришолъ — желанный гость, лишь бы надѣлила его природа искусствомъ чаровать и трогать. Галлы кидались въ битву при пѣсняхъ своихъ бардовъ; у германцевъ же въ этихъ случаяхъ нѣло всё войско. Значить ли это, что у нихъ не существовало особой профессіи пѣвцовъ? Конечно нѣтъ. Но пѣвцы по профессіи не составляли тутъ особаго сословія, не имѣли никакихъ привилегій, не пользовались тираническимъ господствомъ. Поэтическое творчество наслаждается полной свободой; потребность въ ней рѣзко обнаруживается уже у древнихъ германцевъ; она торжествуетъ во всей исторіи нѣмецкой поэзіи; она есть именно то, о чѣмъ говоритъ Уландъ, когда со многими другими поэтами восклицаетъ: «Пой въ лѣсахъ нѣмецкой поэзіи всякій, кому данъ даръ пѣснопѣнія!» Это отсутствіе монополіи, эта полная и прекрасная свобода поэтического творчества составляютъ весьма явственную характеристическую черту германскаго племени. Она сохранилась въ немъ постоянно и ей мы должны быть обязаны тѣмъ, что среди этого народа возникли великія эпическія легенды: «Пѣснь о Гильдебрандѣ и Гадубрандѣ», англосаксонскій «Беовульфъ», «Гудрунъ» и «Нибелунги». Всѣ эти произведенія дошли до насъ только въ видѣ великолѣпныхъ отрывковъ и мы можемъ сравнивать ихъ съ тѣми торсами, которые, будучи обезображены руками варваровъ, пострадавъ отъ вліянія нѣсколькихъ вѣковъ, всё-таки обличаютъ мощными и художественными формами своего тѣла происхожденіе своё отъ безсмертныхъ эллинскихъ боговъ и воскрешаютъ передъ нашими глазами побѣдоноснаго Геркулеса или Громовержца-Юпитера.»

То, что было во всѣхъ странахъ, повторилось и въ Германіи. Народная поэзія, имѣвшая конечно языческій характеръ, встрѣтила на первыхъ порахъ своего развитія сильнаго противника въ христіанствѣ, и если, благодаря своей изумительной живучести, не была побѣждена имъ окончательно, не погибла, то всё-таки должна была до болѣе благоприятнаго времени уступить мѣсто могущественному сопернику. Разсадниками культуры сдѣлались монастыри, и, само собою разумѣется, что всё, не имѣвшее характера христіански-религіознаго, не только не сохранялось, но и старательно уничтожалось строгими монахами, единственно-грамотными лицами той поры. Латинскій языкъ получилъ правогражданства и даже преобла-

даніе надъ нѣмецкимъ, боевыя и героическія пѣсни — произведенія устныя — замѣнились школьными учебниками, переводами проповѣдей, богословскими трактатами, строго-религіозными гимнами, не имѣвшими съ поэзіей ничего общаго.

Произведенія на нѣмецкомъ языкѣ также не могли имѣть въ эту эпоху никакого иного характера, кромѣ религіознаго, такъ-какъ нѣмецкій языкъ разрабатывался тоже въ монастыряхъ. Первые попытки такихъ произведеній относятся къ IX столѣтію; но что народная поэзія въ искусственной формѣ возникла уже до того, доказывается дошедшимъ до насъ отрывкомъ эпической «Пѣсни о Гильдебрандѣ», записанной фульдскими монахами въ началѣ IX вѣка. Это древнѣйшій письменный памятникъ нѣмецкаго народнаго творчества на туземномъ языкѣ; по содержанію онъ видимо относится къ языческой эпохѣ и принадлежитъ можетъ-быть къ тѣмъ древнимъ произведеніямъ, которые собирались и записывались по распоряженію Карла Великаго, остававшагося покровителемъ народнаго поэзіи, не смотря на свои чисто-христіанскія стремленія. Написанная въ такъ называемой *аллитераціонной* формѣ, «Пѣснь о Гильдебрандѣ» имѣетъ своимъ сюжетомъ поединокъ вернушагося изъ земли Гунновъ Гильдебранда со своимъ сыномъ Гадубрандомъ, который за время отсутствія отца сдѣлался богатыремъ-юношею и теперь, охраняя границы государства, противится вторженію въ эти предѣлы незнакомаго ему рыцаря.

Что касается до вышеупомянутыхъ попытокъ, относящихся уже къ IX столѣтію, то это — такъ называемая «Вессобрунская Молитва» (Wessobrunner Gebet) и отрывокъ болѣе обширнаго стихотворенія о страшномъ судѣ, подъ заглавіемъ «Мусили» (Пожаръ міра), въ которомъ, несмотря на чисто-религіозное содержаніе, сохранились ещё нѣкоторые слѣды языческаго духа. Оба эти произведенія написаны аллитераціонными стихами; рифма же, хотя ещё не въ окончательной формѣ, появляется нѣсколько позже, именно въ такъ называемыхъ «евангельскихъ гармоніяхъ», съ одною изъ которыхъ, озаглавленную «Спаситель», читатели наши подробнѣе ознакомятся ниже. Уже самое названіе «евангельскія гармоніи» указываетъ на характеръ этихъ произведеній; болѣе свѣтскимъ содержаніемъ отличается относящаяся къ той же эпохѣ, хотя написанная тоже въ монасты-

рѣ, «Пѣснь о Людвигѣ» (Ludwigslied), прославляющая побѣду короля вестъ-франковъ Людовика III надъ норманнами при Сокурѣ въ 881 году и, по отзывамъ нѣмецкихъ критиковъ, выделяющаяся изъ ряда остальныхъ стихотворныхъ попытокъ того времени многими истинно-поэтическими достоинствами.

Схоластическій характеръ большинства, если не всѣхъ, стихотворныхъ произведеній, создававшихся въ тиши монастырей, и всё болѣе и болѣе распространявшееся преобладаніе латинскаго языка въ ущербъ отечественному не мѣшали однако чистому роднику народной поэзіи неслышно и смиренно пробиваться сквозь тяжелые камни тяжеловѣснаго и сухого педантизма. Къ одиннадцатому столѣтію образовались уже четыре цикла легендъ и сказаній, послужившихъ въ послѣдствіи основаніемъ «Пѣсней о Нибелунгахъ». Древнѣйшій изъ нихъ — циклъ сказаній о Тотескомъ королѣ Германрихѣ, создавшійся ещё въ первую пору эпохи переселенія народовъ; въ слѣдующемъ средоточіемъ служатъ Дитрихъ Бернскій (Теодорихъ) и Этцель (Аттила); третій имѣетъ дѣло уже съ бургундцами и именно съ королѣмъ Гундикаромъ, падающимъ отъ меча Аттилы; въ четвёртомъ, самомъ обширномъ и наиболѣе поэтическомъ, всё группируется вокругъ популярнѣйшаго нѣмецкаго героя, Зигфрида, о которомъ, какъ о полубогѣ-Зигфридѣ, рассказываетъ скандинавская «Эдда». Къ сожалѣнію, ничто изъ этихъ сказаній не дошло до насъ въ настоящемъ ихъ видѣ, и со всѣми этими героями мы встрѣчаемся уже въ послѣдствіи, въ другихъ памятникахъ народной поэзіи. Единственное сохранившееся произведение, и то въ незначительномъ отрывкѣ, вышеупомянутая «Пѣснь о Гильдебрандѣ». Ученымъ монахамъ конечно незначѣмъ было записывать то, что творила языческая фантазія, и плоды этого творчества совсѣмъ погибли бы, если бы живымъ распространителемъ ихъ, передавателемъ изъ рода въ родъ не сдѣлалось особое сословіе такъ называемыхъ «странствующихъ людей» (fahrende Leute), обратившихъ своё искусство въ ремесло и практиковавшихъ его «при дворахъ и на большихъ дорогахъ». Въ качествѣ пѣвцовъ и музыкантовъ, по одиночкѣ и цѣлыми компаніями проходили они по Германіи, устраивали пляски, маскарады и тому подобныя зрѣлища и были желанными гостями на всѣхъ народныхъ празднествахъ, при королевскихъ и княжескихъ дворахъ, даже передъ стѣнами нѣко-

торыхъ монастырей. Такимъ образомъ, пѣснопіи ихъ распространялись всё больше и больше, и такъ-какъ въ этихъ произведеніяхъ самую значительную роль играли герои народныхъ легендъ и сказаній, то эти послѣдніе не умирали въ памяти народа, и мало по малу укоренились въ ней такъ, что пережили даже искусство и сословіе странствующихъ пѣвцовъ.

Но всё это были робкіе, далеко не самостоятельные проблески творчества; поэзія въ истинномъ смыслѣ этого слова влачила жалкое существованіе подъ гнѣтомъ съ одной стороны схоластическаго направленія, съ другой — политическихъ обстоятельствъ, далеко не содѣйствовавшихъ развитію поэтической и вообще умственной дѣятельности. Особенно неблагоприятна была въ этомъ отношеніи эпоха второй салической династіи; тревожное правленіе Генриха IV грозило опасностью не только нѣмецкой культурѣ, но и самому существованію Германіи. Внутреннія войны этого государя съ саксонцами, съ своими сыновьями, борьба между дворянствомъ и городами, наконецъ первое время крестовыхъ походовъ, всё это стало сильною преградой на пути нѣмецкаго прогресса. Болѣе же всего останавливался ходъ поэтическаго творчества чрезмѣрнымъ развитіемъ власти церкви, которая при Генрихѣ IV отдѣлилась отъ государства и стала на совершенно самостоятельную ногу. Монастыри обогатились, тихая научная работа прекратилась въ нихъ, монахи стали вести праздную и безнравственную жизнь и высокомерно смотрѣли на поэзію; лучшіе между ними принимались за сочиненіе историческихъ книгъ. Полный переворотъ и во внутреннемъ и во внѣшнемъ отношеніи Германіи суждено было пережить въ блестящую эпоху Гогенштауфеновъ и особенно даровитѣйшаго изъ нихъ, Фридриха II. «Среди нескончаемыхъ войнъ своихъ», говоритъ о нёмъ Рокетъ въ своей «Исторіи нѣмецкой поэзіи», «онъ находитъ возможнымъ удѣлять время для дѣлъ внутреннихъ, для искусства и науки, для житейскихъ наслажденій. Его законы возстанавлиютъ гражданскій порядокъ; правами и привилегіями создаются цвѣтущіе города, его собственное стремленіе къ умственному развитію служить поощрительнымъ стимуломъ для поэтическаго творчества, для дѣятельности образовательныхъ искусствъ, для научной работы. При его дворѣ вельможная молодёжь знакомится со всѣми лучшими сторонами рыцарскаго быта и, развивая своё тѣло охотою и турнирами, идѣтъ впередъ и въ умственномъ

отношеніи, подвизаясь на поприщѣ иѣсноплѣннѣи и поэзіи. Поэты и пѣвцы — всегда желанные гости въ придворномъ лагерѣ Фридриха II, и такъ какъ онъ самъ сочиняетъ стихи, то подъ его покровительствомъ всё пышнѣе и пышнѣе расцвѣтаетъ рыцарское стихотворство, составляющее высшую точку средневѣковой поэзіи. По примѣру императора, поютъ и сочиняютъ его сыновья Конрадъ и Манфредъ, тестъ его Іоаннъ Іерусалимскій, канцлеръ Пѣтръ Випейскій. Стихотворство постоянно и повсюду окружаетъ Фридриха — разбиваетъ ли онъ свой лагерь въ мраморныхъ колоннадахъ мавританскихъ дворцовъ и подъ пальмами Сициліи, или смотритъ съ башенъ своихъ замковъ на сосновые лѣса своей родной Германіи. Весь его виѣшнѣи образъ жизни проникнутъ поэтическими и художественными побужденіями, придающими возвышенный, глубоко-романтический характеръ не только ему, но и всему, вступающему въ очарованный кругъ этого чело-вѣка...

При такихъ условіяхъ и подъ вліяніемъ современныхъ политическихъ событій, между которыми на первомъ планѣ должны быть поставлены въ этомъ отношеніи крестовые походы, возникла и развилась рыцарская поэзія, не имѣвшая однако съ народною ничего общаго и отличавшаяся притомъ иноземнымъ характеромъ, почти рабскимъ подражаніемъ французскимъ образцамъ, сверхъ которыхъ служили источниками заимствованія древнія латинскія и нѣкоторые новыя туземныя легенды. Искусственность, какъ необходимое послѣдствіе того выбора сюжетовъ, которымъ ограничивались эти рыцари-стихотворцы, всё болѣе и болѣе подавляла всякую естественность и правду, и если на умственное развитие вообще эпоха, о которой мы говоримъ, имѣла очень благотворное вліяніе, то для поэзіи, въ истинномъ смыслѣ этого слова, она только приготовила почву, на которой уже въ XIII столѣтіи суждено было возникнуть величавымъ созданіямъ народнаго духа. Высшаго процвѣтанія своего рыцарская или, какъ она называлась потомъ, придворная поэзія достигла въ XII столѣтіи, когда на сцену выступили такіе высокоталантливые люди, какъ Гартманъ фонъ Ауэ, Вольфрамъ Эшенбахъ, Готфридъ Страсбургскій, Вальтеръ фонъ-деръ Фогельвейде. Двѣнадцатое столѣтіе вообще представляетъ собою, по словамъ одного историка нѣмецкой литературы, какъ бы портикъ великаго зданія средневѣковой поэзіи. «Въ произведеніяхъ этого времени — говоритъ онъ

— прежде всего мы замѣчаемъ разширенный великими историческими событіями кругозоръ авторовъ ихъ. Штрихи очерковъ болѣе смѣлы, вырвавшаяся на волю фантазія пробѣгаетъ необозримыя пространства. Но въ этихъ штрихахъ нѣтъ ещё опредѣленнаго разграниченія, географическія и историческія понятія и взгляды лишены прочной почвы и сливаются по большей части въ фантастическомъ хаосѣ...

Количество поэтическихъ произведеній этого вѣка очень велико, но до насъ дошли очень немногія. Не останавливаясь на поэмахъ вышеупомянутыхъ знаменитыхъ представителей рыцарской поэзіи, съ которыми наши читатели познакомятся по приводимымъ ниже образцамъ, упомянемъ для характеристики поэтического творчества этой эпохи о двухъ наиболѣе выдающихся произведеніяхъ: «Императорской хроникѣ» (Kaiserchronik) и «Пѣсни о Роландѣ». Первая рассказываетъ рифмованными стихами исторію римскихъ и германскихъ императоровъ, начиная съ Юлія Цезаря и оканчивая Конрадомъ III Гогенштауфеномъ. Авторъ, очевидно монахъ, бывшій прежде — какъ это часто случалось въ ту пору — воиномъ, останавливается съ особою любовью на боевыхъ приключеніяхъ и кровопролитныхъ битвахъ, на описаніи роскоши и празднествъ германскихъ государей; историческое изложеніе повсюду перемежѣно съ легендами и рассказами о мученикахъ и подвижникахъ, и на ряду съ богословскою учёностію автора обнаруживается близкое знакомство его съ древними героическими пѣснями. Эта смѣсь фактической исторіи, повѣстей, легендъ, сказокъ и басенъ, какъ нельзя лучше характеризуетъ литературный вкусъ того времени. «Пѣснь о Роландѣ», сочинённая какимъ-то «попомъ Конрадомъ» по извѣстному французскому образцу, принадлежитъ къ тому весьма распространенному въ средніе вѣка циклу эпическихъ произведеній, который имѣетъ своимъ предметомъ борьбу съ язычниками и возникъ и развился подъ естественнымъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ. Карлъ Великій, по увѣщанію ангела, рѣшается обратить въ христіанство язычниковъ Испаніи и, чтобъ узнать, какъ они отнесутся къ этому дѣлу, отправляетъ посольство къ королю Марсиле въ Сарагоссу, поставивъ во главѣ его, по совѣту своего племянника Роланда, отчима этого послѣдняго, рыцаря Ганелона. Ганелонъ догадывается, что пасынокъ вовлѣкъ его въ это опасное порученіе съ враждебными намѣреніями и потому рѣшается отомстить ему.

Подкупленный язычниками, онъ соглашается дѣйствовать съ ними за-одно. Вернувшись домой, Ганелонъ докладываетъ государю, что порученіе его увѣнчалось полнѣйшимъ успѣхомъ и убѣждаетъ Карла возвести на испанскій престолъ Роланда. Роландъ идѣтъ во главѣ крестоноснаго войска, но въ Ронсевальской долигѣ измѣннически нападаютъ на него язычники, и завязывается кровопролитная битва. Роландъ и его друзья оказываютъ чудеса храбрости, но наконецъ должны уступить численному превосходству непріятеля. Уже въ предсмертную минуту Роландъ находитъ въ себѣ силу затрубить въ свой знаменитый рогъ изъ слоновой кости, звуки котораго разносятся на необозримое пространство. Карлъ услышалъ этотъ зовъ и спѣшитъ на помощь; но онъ приходитъ слишкомъ поздно — доблестные палadini уже лежатъ мѣртвыми, и государю остаётся только отомстить за нихъ. Разбивъ наголову язычниковъ, Карлъ приказываетъ царственно похоронить павшихъ героевъ, и поэма заканчивается казнью Ганелона, котораго отдають въ Ахенъ на растерзаніе лошадямъ.

Рядомъ съ этими и подобными имъ сказаніями, въ которыхъ такъ или иначе воплощалась основная идея той эпохи, выступили теперь на сцену и принадлежавшіе къ совѣстному міру сюжеты — именно, изъ поэзіи и исторіи древнихъ классическихъ народовъ. Но писатели, сочинявшіе на эти тѣмы, черпали не изъ прямого источника: тутъ опять посредницей служила французская переработка. Что касается до выбора сюжетовъ, то и онъ обусловливался духомъ времени, который наиболѣе удовлетворялся фантастическимъ міромъ самыхъ причудливыхъ приключеній; вотъ почему въ этой категоріи стихотворныхъ произведеній главную роль играютъ подвиги Александра Македонскаго, троянская война и странствованія Энея.

Понятно, что вся эта привитая, чуждая народныхъ элементовъ поэзія, носила въ самой себѣ зародыши упадка; къ этому присоединилось ещё то существенное обстоятельство, что привилегією стихотворства всё болѣе и болѣе завладѣвали лица, принадлежавшія къ дворянскому сословію: отдѣленные своимъ образомъ жизни отъ народа, они чуждались и всѣхъ тѣхъ интересовъ, которые были дороги уму и сердцу этого послѣдняго. Но и при такой разединённости народъ и рыцарство не могли не приходить по временамъ въ соприкосновеніе. Внѣшнюю, если не внутреннюю, связь между

этими классами поддерживали сыновья образованныхъ гражданъ, находившіеся на службѣ при дворахъ и нѣкоторые ученые изъ среды духовенства; старыя сокровища народной поэзіи продолжали жить въ устахъ «странствующихъ людей», а эти послѣдніе тоже находили время отъ времени доступъ ко двору. Придворный пѣвецъ презрительно смотрѣлъ на своего странствующаго собрата, но между тѣмъ и другимъ было много общаго. Оба перекочёвывають съ мѣста на мѣсто, только первый ѣдетъ на конѣ, составляющемъ всё его имущество, и останавливается въ пышныхъ дворцахъ и замкахъ именитыхъ рыцарей и государей; второй — смиренно пробирается пѣшкомъ по большой дорогѣ и поётъ свои пѣсни въ хижинѣ поселянина, въ домѣ зажиточнаго бюргера. Оба бѣдны и живутъ только своимъ искусствомъ; но одному нужны блескъ и пышность жизни, другой — привыкъ къ бѣдности и лишеніямъ. Не вездѣ однако аудиторію народнаго пѣвца составляло только простое сословіе. Если къ самой профессіи этой знать относилась презрительно, то бывали однако отдѣльныя личности, выдѣлявшіяся дарованіями или особенно-блестящимъ репертуаромъ своихъ пѣсень изъ среды своихъ собратій и встрѣчавшія поэтому радужный пріёмъ при дворахъ вельможъ и государей; а чуть ихъ допускали туда, то не удивительно, что простота, естественность и задушевность, которыми всегда проникнуты были произведенія народной поэзіи, дѣйствовали обаятельно и на тѣхъ слушателей, вкусъ которыхъ былъ испорченъ господствовающею искусственностью и почти рабскою послѣдовательностью иноземныхъ образцовъ. Сверхъ того, въ придворныхъ и знатныхъ кружкахъ были уже въ то время люди, высоко цѣнившіе поэзію вообще и, благодаря своей грамотности, которою не особенно отличались ихъ патроны, записывавшіе всё то, что пѣли передъ ними эти странствующие поэты. Такимъ-то путёмъ спасено многое, чѣмъ восхищаемся мы и понынѣ, и ему же мы обязаны тѣмъ, что въ началѣ XIII столѣтія разныя части отдѣльныхъ народныхъ сказаній, о которыхъ мы упоминали выше, съ добавленіемъ новыхъ наслоеній, появились соединёнными въ одно стройное цѣлое, извѣстное намъ подъ названіемъ «Пѣсни о Нибелунгахъ».

Это грандіозное произведеніе, вмѣстѣ съ родственной ему по духу «Гудрунъ», можно сравнить съ послѣдними и потомъ очень яркими вспышками угасающей лампы, такъ-какъ послѣ этихъ двухъ блистательныхъ проявленій

своихъ, народная поэзія снова какъ-будто умерла, уступивъ мѣсто всё болѣе и болѣе побѣдоносному придворному стихотворству. По-крайней-мѣрѣ до насъ не дошло почти ничего или очень мало, да и это немногое въ сильной степени уступаетъ достоинствомъ вышеупомянутымъ двумъ перламъ народного эпоса. Немногія произведенія эти, болѣею частію отрывочныя, воспѣваютъ вообще тѣхъ же самыхъ героевъ, которыхъ подвиги и судьбы представлены намъ въ такой стройной картинѣ «Нибелунгами». Дитрихъ Бернскій, герой готскаго цикла, и Гильдебрандъ, его оруженосецъ, затѣмъ Зигфридъ и бургундскіе герои составляютъ средоточіе этихъ пѣсень; къ нимъ примыкаютъ ещё нѣкоторые новые герои и фантастическія существа, въ родѣ великановъ и карликовъ.

До-сихъ-поръ мы имѣли дѣло только съ эпосомъ. Но въ ту пору, которая составляетъ предметъ нашего изложенія въ настоящую минуту, то-есть въ пору борьбы между поэзіею искусственною и народною, существовалъ ещё одинъ элементъ, служившій какъ бы посредникомъ между тою и другою, воспринимавшій въ себѣ особенности той и другой. Это—лирика, первымъ проявленіемъ которой въ Германіи было такъ называемое «пѣснопѣніе въ честь любви», миннезингерство (Minne-gesang, отъ слова Minne — любовь). По историческому происхожденію своему, эта отрасль лирики не есть туземный германскій продуктъ: она занесена сюда изъ Франціи, гдѣ уже задолго до того процвѣтали провансальскіе трубадуры; но въ ней было такъ много родственнаго нѣмецкому національному духу, что она тотчасъ же восприняла въ себя многія національныя особенности и составила нѣчто совершенно самостоятельное, совершенно независимое отъ лирики трубадуровъ. Вышшій міръ и общественные интересы почти не существовали для нѣмецкихъ миннезингеровъ. Содержаніе ихъ пѣсень, за немногими исключеніями, составляла жизнь души, съ ея радостями и страданіями, стремленіями и надеждами, и на первомъ планѣ стояли отношенія къ женщинѣ. Женщина была поставлена на высокій, почти недосыгаемый, поземной пьедесталъ; почитаніе ея приняло почти религіозный характеръ; любовь выступила въ видѣ идеальной силы, просвѣтляющей всё существованіе человѣка, наполняющей сердце его сознаниемъ благороднѣйшаго и возвышеннѣйшаго назначенія. «Упрѣкъ въ однообразіи», говоритъ нѣмецкій критикъ, «упрѣкъ, который неоднократно дѣлали миннезин-

герской поэзіи, основательнѣе, но болѣе чуткое и внимательное ухо различитъ движеніе и среди этого однообразія. Вы точно входите въ лѣсъ, гдѣ васъ сразу встрѣчаетъ пѣнье безчисленнаго множества пернатыхъ горлышекъ. На первыхъ порахъ вамъ кажется, что это — хаотическое смѣшеніе всяческихъ голосовъ, но вслушайтесь внимательнѣе — и изъ этой повидимому нераздѣльной массы звуковъ начнутъ выдѣляться передъ вами индивидуальныя особенности. Тутъ искусственныя трели, тамъ веселое щебетанье, здѣсь глубокій вздохъ, зовъ, ласкающее рокотанье; на каждомъ шагу иной оттѣнокъ, иной топь. Точно также и въ поэзіи миннезингеровъ: при отсутствіи рѣзкихъ характеристическихъ отличій, пѣсни наиболѣе даровитыхъ между ними всё-таки не сходны между собою во многихъ отношеніяхъ.»

До какой степени миннезингерство пришло по вкусу нѣмцамъ, видно изъ того, что до насъ дошли и въ цѣлости и въ отрывкахъ произведенія около трѣхсотъ поэтовъ этого класса, дѣйствовавшихъ преимущественно въ XII и XIII столѣтіяхъ, и лучшимъ представителемъ которыхъ былъ знаменитый Вальтеръ фонъ-деръ Фогельвейде.

Но масса народа оставалась всё-таки чужда этой стихотворной дѣятельности. Бѣдный ремесленникъ и обремененный тяжелою барщиною поселянинъ не только не принимали въ ней участія, но даже почти не знали о ея существованіи. Дѣйствительно, народная и національная поэзія умерла или заснула летаргическимъ сномъ, чтобы черезъ столѣтіе воскреснуть и расцвѣсти въ новомъ видѣ. Въ XIV вѣкѣ начинается упадокъ знатнаго дворянства, эксплуатировавшаго народъ въ свою пользу; католическая церковь и феодальный бытъ потрясены въ своихъ главнѣйшихъ основаніяхъ. Съ другой стороны народъ начинаетъ чувствовать себя сильнѣе и стряхивать своё ярмо. Чѣмъ болѣе утрачиваетъ блескъ и силу рыцарство, тѣмъ смѣлѣе подымаетъ голову народная масса. Со всѣмъ этимъ движеніемъ находится въ тѣсной связи и развитіе нѣмецкой поэзіи; но, какъ мы только-что замѣтили, чтобы обнаружился окончательный и блестящій результатъ, нужно было пройти цѣлому столѣтію, именно четырнадцатому.

Это четырнадцатое столѣтіе, переходное и въ политическомъ и въ литературномъ отношеніи, не обогатило поэзію ни однимъ малымъ замѣчательнымъ произведеніемъ, и мы не остановимся на немъ, переходя къ двумъ

послѣдующимъ, въ продолженіи которыхъ новая жизнь кипѣла во всѣхъ сферахъ германскаго быта.

Впрочемъ, собственно поэтическое движеніе относится уже къ концу XV и даже началу XVI столѣтія; предшествовавшее же тому время, въ слѣдствіе политическихъ, церковныхъ и общественныхъ условій, о которыхъ мы не считаемъ нужнымъ распространяться, такъ-какъ эта знаменательная эпоха слишкомъ хорошо извѣстна каждому, имѣло болѣе общеобразовательный, даже можно сказать научный характеръ, независимо отъ чисто - практическаго — такой характеръ, при которомъ фантазія могла находить себѣ самую скудную пищу. Если могло въ чѣмъ-нибудь проявляться поэтическое творчество, то развѣ въ сатирѣ, лучшимъ образчикомъ которой можетъ служить знаменитый *Eulenspiegel*. Достигнуть полного торжества этому творчеству предстояло нѣсколько позже въ лирическихъ и эпическихъ народныхъ пѣсняхъ; но прежде чѣмъ мы остановимся на этомъ богатѣйшемъ и важнѣйшемъ отдѣлѣ нѣмецкой поэзіи, считаемъ нужнымъ сдѣлать бѣглый очеркъ нѣкоторымъ современнымъ ему явленіямъ изъ той же области.

Во первыхъ — мастерзингерство. Когда съ испорченностью и ослабленіемъ рыцарства образованность покинула это сословіе и нашла себѣ пріютъ въ городахъ, сдѣлавшихся въ эту эпоху средоточіемъ общественной и политической жизни — тогда горожане, преимущественно ремесленники, завладѣли также, по преимуществу отъ миннезингеровъ, и поэзію, но обратили её въ чисто-техническое упражненіе въ стихотворствѣ, гдѣ содержаніе не играло никакой роли, а на первомъ планѣ стояли извѣстныя правила стихосложенія преимущественно прежняго времени, отъ которыхъ строго запрещено было отступать. Согласно духу эпохи, однимъ изъ главныхъ лозунговъ которой сдѣлалась любознательность, жажда учиться, поэзія тоже обратилась въ своего рода науку. Мастерзингерство разрабатывалось въ особыхъ такъ называемыхъ «пѣвческихъ школахъ» (*Singschulen*), составлявшихъ совершенно замкнутый кругъ и между которыми пользовались особеннымъ значеніемъ школы въ Майнцѣ, Страсбургѣ, Аугсбургѣ и Нюрнбергѣ. Во многихъ городахъ разные ремесленные цехи имѣли свои собственные *Singschulen*; такъ напримѣръ въ Ульмѣ — ткачи, въ Кольмарѣ — сапожники. У каждой мастерзингерской корпорации существовалъ свой сводъ постановле-

ній, исполненіе которыхъ одно давало право на полученіе степени *мейстера*; всякое свободное, самостоятельное творчество мѣста здѣсь не имѣло. Что же касается содержанія, то, какъ мы уже выше замѣтили, ему не придавалось никакой существенной важности.

«Такъ-какъ мастерзингерство», говоритъ Гервинусъ въ своей «Исторіи нѣмецкой поэзіи», «всѣ болѣе и болѣе выдвигало впередъ чисто-формальную сторону, то для него было рѣшительно всё равно, какіе предметы доставляли содержаніе этимъ пѣснямъ. Не было ни одного сюжета, какъ бы ни шолъ онъ въ разрѣзъ съ требованіями поэзіи, котораго не старались бы втиснуть мастерзингеры въ прокрустово ложе своихъ строфъ. Если не перекладывали на музыку длинныхъ романовъ и стихотворныхъ хроникъ, то это только потому, что надо же было положить въ этомъ отношеніи хоть какой-нибудь предѣлъ, соблюдать хоть какую-нибудь мѣру. За-то изъ всѣхъ болѣе мелкихъ видовъ поэзіи, доставшихся въ наслѣдство отъ минувшаго времени, ни одинъ не избѣгнулъ мастерзингерскаго присвоенія и обработки. Они пѣли всѣ древнія рыцарскія легенды или старыя историческія сказанія о Еленѣ и Лукреціи и новыя итальянскія новеллы и волшебныя измышленія о Геррѣ Филіусѣ и Албертѣ Магнусѣ, народные сказки, головоломно-учные трактаты о «семи искусствахъ», ходѣ планетъ и т. п., въ которыхъ они понимали очень мало толка, старые и любимые анекдоты, рассказы о любовныхъ интрижкахъ, исторійки о чело-вѣческой хитрости и скрытности, всевозможныя моральныя поученія, выводившіяся какъ изъ самыхъ причудливыхъ сказокъ, такъ и изъ простѣйшей езоповой басни, любовные, нравственные и психологическіе вопросы, загадки, жалобы на упадокъ нравовъ и набожности, этическихъ притчи и изреченія въ первобытной формѣ, символическія толкованія цвѣтовъ и красокъ, врачебныя и другія общепользныя наставленія, похвалы и порицанія сословіямъ и поламъ, серьезныя и ироническія совѣты.» Всё это, впрочемъ, входило въ составъ такъ называемаго *Freisingen*, составлявшаго одну часть мастерзингерскихъ упражненій; другая называлась *Hauptsingen* (главное пѣніе) и допускала исключительно сюжеты нравственно-религіозныя, а впослѣдствіи — только заимствованіе изъ Св. Писанія. «Было бы можетъ статья несправедливо», замѣчаетъ Гервинусъ въ другомъ мѣстѣ, «разсматривать эти произведенія съ поэтической стороны.

Для исторіи литературы достаточно показать, что содержаніе ихъ свидѣлствуетъ о крайнемъ упадкѣ старой, порешедшей по наслѣдству, поэзіи (то-есть рыцарской). Эти пѣсни не предназначались для гласнаго обнародованія, а на безсмертіе онѣ и подавно не имѣли претензій; оттого огромное большинство ихъ и осталось не напечатанными, и исторія поэзіи поступить хорошо, если предоставитъ имъ и на будущее время покоиться въ пыли и мракѣ архивовъ. Сдѣлать полную характеристику произведеній мастерзингерства могла бы конечно только исторія музыки, еслибы сохранилась вся музыка ихъ. Въ пору процвѣтанія пѣвческихъ школъ мастерзингеры выступали передъ публикой не иначе, какъ въ качествѣ пѣвцовъ. Въ этихъ упражненіяхъ главную роль играло умѣнье найти новый такъ называемый «тонъ» (то-есть самостоятельный новый стихотворный размѣръ съ подходящею къ нему мелодіей), а при «тонѣ» самую большую важность имѣла мелодія. Мысль переложить библію въ рифмованные стихи — крупнѣйшая работа мастерзингеровъ послѣ реформации — имѣла своимъ источникомъ ничто иное, какъ желаніе передавать Св. Писаніе любителямъ пѣнія въ музыкальной формѣ. Миннезингерство было тоже тѣсно связано съ музыкой, и если мастерзингерство знаменуетъ собою окончательное разрушеніе древней нѣмецкой лирики, то на него должно въ то же время смотрѣть какъ на отдаленнѣйшее начало такъ называемыхъ пѣвческихъ игръ (Singspiel) и ораторій, обработкой которыхъ занимались въ послѣдующихъ столѣтіяхъ.»

Если съ истинною поэзіею мастерзингерство имѣло весьма мало общаго, то отрицать всякое вліяніе его на ея развитіе было бы несправедливо, потому-что оно въ пору огрубенія рыцарства и дворовъ исключительно поддерживало любовь къ поэзіи и, какъ выражается одинъ историкъ литературы, сохраненіемъ внѣшней художественной формы стиха строило мостъ для шествованія впередъ поэзіи будущихъ столѣтій. Если собственно пѣсни мастерзингеровъ были лишены всякаго поэтическаго достоинства, то произведеніями другого рода, напимѣръ драмами, рассказами, фарсами, баснями, эти люди доказываютъ, какое сильное умственное движеніе происходило въ ту пору въ составѣ горожанъ. Мастерзингерство было только внѣшнею связью, соединявшею занимавшихся имъ въ отдѣльную корпорацію; но даровитѣйшіе изъ членовъ этой послѣдней, между кото-

рыми главное мѣсто принадлежитъ Гансу Саксу, посвящали свою дѣятельность самымъ разнообразнымъ видамъ и направленіямъ поэзіи.

Весьма важный отдѣлъ этого періода, и по своему внутреннему значенію, и по своей распространенности, составляютъ такъ называемыя «Церковныя пѣсни» (Kirchenlieder), первые опыты которыхъ относятся уже къ предшествующему времени, но которыя только теперь достигли самостоятельнаго развитія и немногого погодя, подъ перомъ Лютера, поднялись на нѣкоторое время на высшую степень процвѣтанія. Что эти церковныя пѣсни, сочинявшіяся въ поученіе извѣстной общинѣ, извѣстному приходу и пѣвшіяся въ общемъ собраніи вѣрующихъ и молящихся, возникли среди народа, это обуславливалось отношеніями, въ которыхъ находились между собою различныя сословія. Духовенство, закостѣвшее въ своей традиціонной формалистикѣ, не позволяло себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ предписывавшихся католическою церковью пѣснопѣній на латинскомъ языкѣ; поэты-рыцари слишкомъ презирали народъ, чтобы сочинять собственнo для него. По неволѣ пришлось народу удовлетворять естественнымъ потребностямъ своего религіознаго чувства собственною производительностью. По всей вѣроятности, такія народныя пѣсни существовали уже въ очень раннее время; изъ XIII вѣка сохранились нѣкоторыя произведенія въ этомъ родѣ, имѣющія совершенно народный характеръ. Во времени Лютера ихъ было уже довольно много. Пѣсни великаго реформатора составили въ исторіи этого отдѣла новый періодъ. «Лютеръ — читаемъ мы въ одной исторіи нѣмецкой поэзіи — еще далеко не отрѣшился въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ отъ мистицизма, но онъ тѣмъ не менѣе — поборникъ свободы и, будучи далѣкъ отъ мысли обременять человѣческую совѣсть, хочетъ только будить её. Онъ не поётъ одинъ, но говоритъ и другимъ: «пойте!» — и это слово проникаетъ въ самую глубь ихъ души. Они поютъ, и славятъ Бога и радуются, что находятъ такой голосъ въ своей груди. Они поютъ — и грозная средневѣковая церковь, заставлявшая этихъ людей падать предъ нею во прахъ, сама рушится и Богъ чистыхъ сердецъ, небесное царство «нищихъ духовъ», лучезарный образъ Іисуса являются ихъ взорамъ. Всѣ возвышаютъ голосъ и находятъ утѣшеніе въ этомъ пѣснопѣіи — королева на престолѣ, ремесленникъ за работой, служанка у колодца, зе-